
РАКУРС: ЭТНИЧЕСКИЕ АВТОНОМИИ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Э.Ю. МИНАЕВА, П.В. ПАНОВ*

ЭТНИЧЕСКИЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ АВТОНОМИИ: ВАРИАТИВНОСТЬ СООТНОШЕНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ И ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНЫХ ГРАНИЦ¹

Аннотация. Предоставление этнической группе территориального самоуправления – один из наиболее распространенных в современном мире способов предотвращения, регулирования и преодоления конфликтов в сфере национальных отношений. Специфика территориальных автономий, однако, в том, что население автономного региона состоит из представителей разных этнических групп. Вследствие этого на функционирование этнических территориальных автономий (ЭРА) существенное влияние оказывает соотношение политико-административных и этнических границ. В статье представлена основанная на работе с данными географических информационных систем (ГИС) методология измерения этой характеристики автономий. Она включает индексы сегрегации и концентрации этнических групп, а также модели конгруэнтности между полити-

* **Минаева Элеонора Юрьевна**, выпускница кафедры политических наук Пермского государственного национального исследовательского университета, e-mail: minaevaeleonora@yandex.ru; **Панов Петр Вячеславович**, доктор политических наук, профессор кафедры политических наук Пермского государственного национального исследовательского университета, главный научный сотрудник Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН, e-mail: panov.petr@gmail.com

Minaeva Eleonora, Perm state university (Perm, Russia), e-mail: minaevaeleonora@yandex.ru; **Panov Petr**, Perm state university (Perm, Russia), Perm federal scientific center Russian academy of sciences (Perm, Russia), e-mail: panov.petr@gmail.com

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 15-18-00034) в Пермском государственном национальном исследовательском университете.

ко-административными и этническими границами. Анализ, проведенный на основе базы данных «Этнические региональные автономии» (Ethnic Regional Autonomies Database – ERAD), позволил распределить включенные в базу автономии по 4 моделям конгруэнтности между этническими и политико-административными границами. В заключение рассмотрены возможности, которые дает этот инструмент для сравнительных исследований ЭРА, и намечены их перспективы.

Ключевые слова: этничность; автономия; пространственная сегрегация; концентрация этнических групп; конгруэнтность границ.

E. Y. Minaeva, P. V. Panov

Ethnic regional autonomies: Variation of the correlation between sub-state boundaries and ethnic groups' settlements

Abstract. Granting concentrated ethnic group territorial self-rule is considered in the contemporary world as one of the most common way to prevent, manage and resolve ethnic conflicts. Nevertheless, a special feature of territorial autonomies is that the population of autonomous region consists of different ethnic groups. As a result, a functioning of ethnic territorial autonomies is influenced by such feature as a correlation between sub-state boundaries and ethnic groups' settlements. In the article, the authors present an instrument for measuring of this ethnic autonomies' feature on the basis of a spatial data of Geographic Information Systems (GIS). It includes the indices of ethnic groups' segregation and concentration as well as some models of boundary congruence. The analysis, which was carried out on the basis of the Ethnic Regional Autonomies Database (ERAD), allows allocating all ethnic regional autonomies between four models of boundary congruence. In conclusion, the possibilities, which a new methodology provides for comparative studies of ethnic autonomies, are discussed, and their prospects are outlined.

Keywords: ethnicity; autonomy; spatial segregation; ethnic groups' concentration; boundary congruence.

Среди административно-территориальных единиц (АТЕ) первого субнационального уровня, которых в современном мире насчитывается несколько тысяч, имеется особая разновидность – «этнические региональные автономии» (далее ЭРА). Их специфика зафиксирована в самом термине: во-первых, это автономные регионы, т.е. такие, которые обладают достаточно высоким уровнем самоуправления. Во-вторых, они конституируются на основе этнической специфики. Оба измерения представляются весьма актуальными для анализа субнациональной политики. С одной стороны, исследователи отмечают, что на рубеже XX–XXI вв. наметилась явная тенденция к децентрализации политико-административных систем

[Brancati, 2008]. С другой стороны, в условиях нарастания политизации этничности и обострения этнополитических конфликтов [Ачкасов, 2011; Дробижева, 2013; Тишков, Шабаев, 2011] предоставление этническим группам территориальной автономии становится одним из наиболее конвенциональных способов предотвращения, регулирования и разрешения конфликтов в сфере межэтнических отношений [Benedikter, 2009; Wolff, 2010].

В то же время этнические территориальные автономии по своей сути проблематичны. Определение автономии как этнической предполагает некие преференции для «титულიной» этнической группы (как минимум ее выделение в особую категорию населения), однако зачастую значительную долю населения автономного региона составляют представители других («нетитულიных») этнических групп, причем нередко «титულიная» этническая группа не является даже большинством населения в «своей» этнической автономии. Как результат, возникает еще одна линия межэтнической напряженности – между титульными и нетитульными группами. Насколько остро воспринимается этот вопрос в значительной мере зависит от соотношения этнических и политико-административных границ применительно к ЭРА – именно данная проблема выступает фокусом нашего исследования.

В первой части статьи обосновывается понятие ЭРА, разработанное в рамках реализации исследовательского проекта «Обеспечение баланса в межнациональных отношениях: региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств» (выполняется при поддержке Российского научного фонда, проект № 15-18-00034). На его основе составлен список этнических региональных автономий современности и создана база данных «Этнические региональные автономии» (Ethnic Regional Autonomies Database – ERAD) [Панов, 2016]. Во второй части представлен методологический инструментарий, позволяющий измерять соотношение этнических и политико-административных границ применительно к ЭРА, а также сделанные на его основании расчеты, по результатам которых ЭРА распределены по четырем моделям конгруэнтности между этническими и политико-административными границами. В заключении рассмотрены возможности, которые дает этот инструментарий для сравнительных исследований ЭРА, и намечены их перспективы.

Этническая региональная автономия

Определение «этнической региональной автономии» основывается на концептуализации и операциональном индексировании двух атрибутов – автономия и этничность (этнический характер конституирования АТЕ).

Автономия, которая понимается как самостоятельность, самоуправление (self-government, self-rule), в широком смысле применяется к различным субъектам. В зависимости от этого принято выделять персональную (индивидуальные права и свободы человека), культурную (специфические коллективные права отдельных социальных групп, в том числе этнических – «этнокультурная» или «национально-культурная» автономия) и территориальную автономию, где субъектом является административно-территориальная единица [Ackren, 2009; Ghai, Woodman, 2013; Weller, Nobbs, 2010]. Вместе с тем степень, содержание и формы территориального самоуправления в современном мире настолько сильно варьируются, что для определения «автономии» применительно к ЭРА введены два обязательных критерия.

Первый – регион должен обладать *политической автономией*. В отличие от административной автономии, которая возникает в результате делегирования исполнительных / административных полномочий на нижестоящие уровни управления, политическая автономия предполагает наличие в регионе собственного законодательного органа власти (легислатуры), избираемого населением автономии и обладающего собственной компетенцией [Benedikter, 2009, p. 11; Wolff, 2010, p. 10].

В то же время – и это второй критерий – *автономный регион должен быть под контролем центральной власти*. Автономии, которые как явление возникли только в контексте государства современного типа – nation-state [Ghai, Woodman, 2013, p. 7; Henders, 2010, p. 6; Gagnon, Keating, 2012, p. 17], – означают не полную независимость, а относительную самостоятельность части целого (nation-state). Следовательно, нет оснований использовать термин «автономия» для «de-facto states» – фактически самостоятельных политических образований (Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье, Нагорный Карабах, Северный Кипр) или территорий несостоятельных государств (failed states), даже если они формально признаются в качестве автономий. С другой стороны, этому кри-

терию не соответствуют так называемые «ассоциированные государства», которые фактически независимы в решении внутренних вопросов [Lapidoth, 1997, p. 54–55]. Операционально контроль центральной власти над автономией выражается в институционализации включенности региона в общенациональный политический процесс, что проявляется, в первую очередь, через представительство ЭРА в национальном парламенте.

Что касается второго атрибута (**этнический характер конституирования АТЕ**), следует отметить, что в данном исследовании этничность понимается как социальная организация культурных различий, которая является результатом той или иной интерпретации социальной реальности [Барт, 1998]. Следуя веберовской традиции, большинство исследователей определяют этничность как категоризацию, которая основывается на субъективном представлении об общем происхождении («*common descent*», «*common origin*»), независимо от того, на чем основано это представление – на цвете кожи, внешности, языке, религии или иных индикаторах либо их комбинации [Wimmer, 2013, p. 7; Horowitz, 1985, p. 17–18; Ghai, 2000, p. 4].

Для определения этнического характера конституирования автономии были выработаны два обязательных критерия. Во-первых, *исторически основанием для предоставления региону автономии была этническая идентичность* [Anderson, 2016, p. 18; Ghai, Woodman, 2013, p. 2]. Операционально это фиксируется в наличии одного из нескольких индикаторов:

– автономия предоставлена вследствие этнополитического конфликта / движения за самоопределение (а также по поводу языка, религии и т.д.);

– автономия предоставлена вследствие реализации этнонациональной политики государства;

– автономия предоставлена в результате постимперской трансформации, когда специфический в этническом отношении регион – имперская периферия – остался в составе метрополии либо был включен в состав другого государства, возникшего в результате постимперской трансформации.

Вместе с тем следует учитывать, что автономия могла создаваться как этническая, но впоследствии потеряла этнический характер. Так, в 1920 г. при установлении советской власти в Азербайджане была создана Нахичеванская автономная республика в

качестве армянской автономии (по ряду причин эта территория была включена в состав Азербайджана, а не Армении). Со временем, однако, большинство армян покинули этот регион и в настоящее время Нахичевань, очевидно, утратила этнический характер. Поэтому второй обязательный критерий – *сохранение у автономии этнического основания в настоящее время*. На операциональном уровне это требует наличия хотя бы одного из нескольких индикаторов:

– нормативное закрепление (признание) этнического характера автономии. Как правило, это проявляется в официальном признании так называемой «титульной группы» как особой «национальности (*distinct nationality*) [Ganguly, MacDuff, 2003, p. 3–4]. Иначе говоря, данный автономный регион воспринимается как «родина» (*homeland*) титульной этнической группы [Roeder, 2014, p. 93];

– этническая идентичность выражается в официальных атрибутах автономии (название-этноним; символика; праздничные / памятные / исторические даты; наименования политических институтов и т.д.);

– официальное признание языка / специфической религии титульной этнической группы;

– особые преференции для титульной этнической группы в данном регионе, прежде всего, гарантии доступа к власти (формальные или неформальные квоты при распределении властных позиций по этническому признаку) [Integrating data on ethnicity... 2015], а также языковые / религиозные преференции.

Признание этнической группы как основания для предоставления региону автономии «делает» ее «титульной этнической группой». Этот термин, хотя и не является официальным, достаточно удачно схватывает этнический характер конституирования автономии, особенно в соотнесении с другим термином – *Staatsvolk* [O’Leary, 2001, p. 285], так называемой «доминирующей в государстве» или «государствообразующей» этнической группой. В паре эти две категории как раз и фиксируют этническую специфику ЭРА, т.е. «этнический характер» автономии¹.

¹ В ряде случаев в качестве титульных выступают несколько этнических групп (боснийцы и хорваты в Федерации Боснии и Герцеговины, одного из двух этнических регионов – энтитетов Боснии и Герцеговины; регион Бенишангуль-

Разработанные критерии применяются для исследования ЭРА первого субнационального (регионального) уровня, а именно к регионам с особым статусом в унитарных государствах и к субъектам федеративных государств. Особый статус (асимметричность по сравнению с другими АТЕ того же уровня) рассматривается в литературе как ключевой признак автономии в унитарных государствах [Benedikter, 2009, p. 9; Henders, 2010, p. 14]. Автономия в этом смысле оказывается отступлением от идеального типа унитарного государства, что позволяет говорить о реализации принципа федерализма в унитарном государстве (унитарные государства с автономиями определяются термином «federacies» – федератизм) [Elazar, 1994, p. XVI].

Анализ всех существующих в мире субнациональных АТЕ первого субнационального уровня, имеющих особый статус, обнаружил большое количество случаев (*неэтнические региональные автономии*), когда особый статус никак не связан с этничностью, а имеет географические (например, островное или эксклавное положение), политические (многие столицы государств) и иные основания¹. С другой стороны, в мире обнаруживается немало регионов, этнических по своему характеру, но не имеющих особого статуса (*этнические регионы*). Тем не менее значительное количество регионов с особым статусом соответствует нашим критериям, что позволяет отнести их к категории *этнических региональных автономий*. Не случайно многие исследователи подчеркивают связь между особым статусом региона и его этническим характером [Ghai, 2000, p. 8; Heintze, 1998, p. 10; Lapidoth, 1997, p. 174–175].

В федеративных государствах *federations*, в отличие от *federacies*, принцип федерализма применяется ко всем регионам субъектам федерации². Таким образом, федерация, как форма го-

Гумуз в Эфиопии; Кабардино-Балкарская и Карачаево-Черкесская республики в России и т.д.). И наоборот, есть случаи, когда одна этническая группа является титульной в нескольких ЭРА (баски в Наварре и Стране Басков в Испании, ненцы в НАО и ЯНАО в РФ, бенгальцы в индийских штатах Западная Бенгалия и Трипура и т.д.).

¹ Кроме того, особый статус отнюдь не всегда связан с автономией, некоторые (зависимые) территории обладают особым статусом, но не имеют политической автономии.

² Некоторые АТЕ в федеративных государствах могут не быть субъектами федерации.

сударственного устройства, такова, что все субъекты Федерации по определению соответствуют первому атрибуту (автономия), однако второй атрибут (этнический характер) актуален лишь для особой их разновидности – этнофедерации, где как минимум один из субъектов «намеренно ассоциируется с этнической категорией» [Hale, 2004, p. 167–168].

Этнические федерации принято разделять на «полные» (full) и «частичные» (partial) [Anderson, 2016]. В частичных этнофедерациях лишь некоторые субъекты по своему характеру являются этническими, тогда как остальные ассоциируются с «доминирующей этнической группой» (Staatsvolk), у которой нет какого-то одного «своего региона». Например, у русских как Staatsvolk России – это области и края, в отличие от «национальных» республик и округов, имеющих этническую привязку. Аналогичная ситуация в Индии, Канаде, Малайзии, а также в Мьянме, Ираке, Танзании, если последние интерпретировать как федеративные государства¹.

В полных этнофедерациях – Бельгия, Босния и Герцеговина, Пакистан, Эфиопия – все субъекты определяются в этнических терминах², и здесь фактически нет явной доминирующей группы Staatsvolk, либо ее идентификация не бесспорна (пенджабцы в Пакистане). В Бельгии, например, в качестве доминирующих следует рассматривать и валлонов, и фламандцев, при этом каждая из них является титульной в «своем» регионе. В БиГ сразу три этнических группы – боснийцы, хорваты и сербы – в одинаковой мере являются Staatsvolk, при этом сербы – титульные в одном из этнитетов (Республика Сербская), а в другом (Федерация Боснии и Герцеговины) титульных сразу две – боснийцы и хорваты. В Эфиопии в качестве Staatsvolk рассматривают обычно тиграев и амхара, которые также имеют «свои» автономные регионы, где одновременно являются титульными группами.

¹ Вследствие неоднозначности конституционного определения формы государственного устройства в некоторых странах среди исследователей нет полного согласия относительно списка федераций, их количество варьируется от 20 до 30 [Anderson, 2013; Vednar, 2008; Elazar, 1994; Watts, 1996], в том числе вызывает разногласия статус некоторых частичных этнофедераций.

² Строго говоря, и в полных этнофедерациях есть регионы, которые не являются этническими – столичные города Брюссель в Бельгии, Исламабад в Пакистане, округ Брчко в Боснии и Герцеговине, Аддис-Абеба и Дыре-Дауа – два города с особым статусом в Эфиопии.

Особый случай – Нигерия, где после получения независимости в 1960 г. сохранились созданные еще в колониальный период три региона, каждый из которых явно ассоциировался с одной из трех так называемых «основных этнических групп» (хауса, игбо и йоруба), и в этом отношении Нигерия соответствовала полным этнофедерациям. Однако в результате многочисленных реформ эти регионы были раздроблены на 36 штатов так, что по несколько штатов оказалось под контролем каждой из основных групп, а остальные были созданы как штаты для некоторых этнических меньшинств [Ejobowah, 2010]. В результате в настоящее время Нигерия стала похожа скорее на частичные этнофедерации, в логике которых этническими являются лишь те штаты, которые создавались для этнических меньшинств.

В целом на основе разработанных критериев был составлен список ЭРА (139 случаев) и создана база данных «Этнические региональные автономии» (Ethnic Regional Autonomies Database – ERAD), которая размещена в открытом доступе на сайте <http://identityworld.ru/index/database/0-21>. В базе содержится самая разнообразная информация (около 150 переменных) по всем ЭРА, которые существуют в настоящее время либо прекратили существование в XXI в. Данные представлены в формате «автономия – год» и охватывают период с 2001 по 2015 г. Необходимо подчеркнуть, что этничность – категория социально оспариваемая, и хотя в большинстве случаев обнаруживается доминирующее конвенциональное восприятие некой этнической группы как титульной, а соответствующей автономии как этнической, есть и примеры неоднозначной интерпретации. Поэтому список ЭРА разделен на две группы – «ядро» (core list), где интерпретация этничности достаточно конвенциональна, и «периферия» – так называемые «пограничные случаи» (border-line list), где не вполне очевидно, имеет ли специфика «автономообразующей группы» значение этничности (аджарцы в Грузии, сицилийцы в Италии, бугенвилльцы в Бугенвилле и др.).

Соотношение этнических и политико-административных границ в этнических региональных автономиях

Несмотря на то что все регионы, включенные в список ЭРА и в ERAD, соответствуют обоснованным выше критериям, они де-

монстрируют колоссальную вариативность по разным характеристикам. Так, среди них есть, с одной стороны, такие микроскопические территории, как Ротума (Фиджи), чья площадь составляет всего 46 кв. км, а население примерно 2 тыс. человек, а с другой стороны, такие гиганты, как Гренландия, площадь территории которой более 2 млн кв. км, или Якутия – 3,1 млн кв. км. Правда, население этих регионов не слишком велико, однако среди ЭРА немало и таких, чье население сопоставимо с численностью больших государств. В индийских штатах Махараштра и Западная Бенгалия проживает, к примеру, около 100 млн и более 80 млн человек соответственно, а в пакистанском Пенджабе – около 80 млн человек.

Огромное разнообразие характерно для ЭРА по экономическим показателям, политическим характеристикам, а также по этническому составу. Последнее особенно значимо, поскольку речь идет об автономиях, которые конституируются на этнической основе. Хотя в большинстве ЭРА соответствующие титульные группы составляют более половины населения, а примерно в 40 случаях их доля достигает 80% и выше, есть немало ЭРА, где титульная группа находится в численном меньшинстве по сравнению, в первую очередь, с доминирующей в стране группой. В ряде случаев (Карелия, ХМАО и ЯНАО в России, Харари в Эфиопии) доля «титульных» – менее 10%. Значительно варьируется и степень гетерогенности населения автономий, так как в ряде автономий, наряду с титульной и доминирующей группами, существенную долю населения составляют иные («третьи») этнические группы: татары в Башкортостане, бенгальцы в индийском Ассаме, пуштуны в Белуджистане и т.д.

Этнический состав населения стран и регионов – тема, которой уделяется достаточно большое внимание в этнополитических исследованиях. В качестве операциональных индикаторов этнической гетерогенности в количественных large-N сравнительных исследованиях используются индексы этнической фракционализации [Fractionalization, 2003] и поляризации [Montalvo, Reynal-Querol, 2005]. Оба индекса рассчитываются на основе демографических данных (переписи населения, данные статистических служб и т.д.), как правило, для страны в целом, поскольку для субнационального уровня демографические данные зачастую недоступны, но даже если таковые имеются, они недостаточны с точки

зрения исследования проблемы соотношения этнических и политико-административных границ.

Во-первых, очевидно, что в условиях одной и той же степени гетерогенности возможны разные форматы локализации этнических групп в физическом пространстве. Гипотетически две страны, имеющие две одинаковые по размеру этнические группы, будут иметь одинаковое значение индекса фракционализации (примерно 0,5) и индекса поляризации (около 1). Однако если в одной стране этнические группы сегрегированы, т.е. пространственно «изолированы» друг от друга (например, одна группа живет в северной части страны, тогда как вторая – в южной), а в другой – равномерно распределены по территории государства, «качество» этнической гетерогенности оказывается принципиально различным.

Во-вторых, именно в случае пространственной сегрегированности возникает вопрос о соотношении этнических и политико-административных границ. Учитывая, что в данной работе речь идет о территориальных, а не культурных этнических автономиях, оно приобретает особое значение. Политико-административные границы – в значительно большей мере результат политических решений, нежели пространственные границы проживания этнических групп. Хотя, разумеется, и на последние могут влиять целенаправленные политические действия (регулирование миграционных потоков, этнические чистки и т.п.), распределение этнических групп в физическом пространстве происходит скорее спонтанно в результате длительного исторического развития. Политико-административные границы этнической автономии – в некотором смысле «политический конструкт» и, определяя их, власти напрямую влияют на этническую композицию населения автономии, особенно если этнические группы локализованы в физическом пространстве.

Не случайно эта тема получила развитие в рамках обоих ключевых на сегодняшний момент теоретических подходов к управлению этнополитическими конфликтами. Странники консоциативного подхода [Лейпхарт, 1997], приоритетом которого является политическое представительство этнических сегментов как целостных акторов и предоставление им автономии в решении внутренних вопросов, выступают за создание (там, где это возможно) этнически гомогенных автономных АТЕ, т.е. стремятся к совпадению этнических и политико-административных границ.

Интеграционный подход, напротив, утверждает, что следует ослаблять этнические идентичности, т.е. не фиксировать политическую фрагментацию, а стимулировать межгрупповые политические взаимодействия, контакты и коалиции [Hogowitz, 1985]. Соответственно, интеграционисты убеждены, что АТЕ (даже если речь идет об этнических территориальных автономиях) желательно делать этнически гетерогенными, а для этого следует разводить политико-административные и этнические границы.

Случай Нигерии, о котором было сказано выше, вероятно, один из самых ярких примеров целенаправленного «конструирования» политико-административных границ (в плане их соотношения с этническими) для снижения межэтнической напряженности. Не удивительно, что он вызывает повышенное внимание исследователей, в том числе в рамках дискуссии между сторонниками консоциативного и интеграционного подходов. Если одни авторы оценивают нигерийский опыт реформирования административно-территориального деления как «триумф интеграционизма», другие говорят о «катастрофе» [Anderson, 2013; Bach, 1989; Diamond, 1988; Suberu, 2010]. Проблема соотношения политико-административных и этнических границ исследуется и в более широком сравнительном контексте. Качественное small-N сравнение современных федераций под этим углом зрения содержится в работах Л. Андерсона и Д. Макгарри [Anderson, 2013; Mcgarry 2007], а К. Дейвикс проанализировала эффекты соотношения политико-административных и этнических границ в федерациях на основе количественного large-N сравнения [Deiwiks, 2011].

Количественные исследования, однако, требуют соответствующего методологического инструментария. Прежде всего, необходимо измерить степень сегрегации этнических групп, т.е. уровень географического «смешения / разделения» этнических групп внутри страны или отдельного региона.

Для замера этнической сегрегации возможны как минимум два инструмента. Первый из них, разработанный Алезиной и Журавской, основывается на той же математической обработке демографических данных, что индексы этнической гетерогенности [Alesina, Zhuravskaya, 2011], но субнационального уровня. Индекс сегрегации принимает значение 1, если каждая этническая группа в стране проживает в одном полностью гомогенном регионе, и наоборот, если каждый регион имеет одинаковую этническую ком-

позицию, индекс будет равен 0. При всей привлекательности этого инструмента он имеет очевидные ограничения, связанные с дефицитом релевантных данных, особенно на субнациональном уровне.

На этом фоне более привлекательным выглядит другой инструментарий, а именно работа с базами географически привязанных данных (географические информационные системы – ГИС). Ключевая идея состоит в наложении разных слоев географически привязанных данных друг на друга и их последующей математической обработке. Поскольку ГИС-технологии в последнее десятилетие развиваются весьма активно, такие базы созданы по самой разнообразной тематике, так что они стали значимой альтернативой официальной статистике, в том числе по демографическим вопросам, распределению природных ресурсов и т.д.¹ Для этнополитических исследований особенно важным оказалось создание баз данных о географическом расположении этнических групп. Они разработаны на основе созданного еще в 1964 г. советскими этнографами и уникального в своем роде «Атласа народов мира», который содержит карты расселения этнических групп. С помощью ГИС-технологий и с некоторыми уточнениями атлас был трансформирован в базу данных Geo-referencing of ethnic groups (GREG) [Weidmann, Rød, Cederman, 2010], несколько позже была создана база Geo-referencing Ethnic Power Relations (GeoEPR) [Politically relevant ethnic groups... 2011]. Все политически значимые этнические группы в этой базе имеют географическую привязку, благодаря чему они представляют собой полигональные объекты (полигоны), обрабатываемые в ArcGIS.

В этой же логике (наложение друг на друга географически привязанных данных по государственным и административным

¹ В частности, на основе ГИС-инструментов возникли альтернативы стандартным индексам гетерогенности. Взамен официальной демографической статистики, страдающей пробелами информации, исследователи накладывают друг на друга географически привязанные базы данных государственных и административных границ, плотности населения и расселения этнических групп. После соответствующей обработки это позволяет получить данные, аналогичные индексам фракционализации, поляризации и т.д. Например, К. Каннингхэм и Н. Вейдманн провели на этой основе сравнительный анализ влияния этнической гетерогенности на конфликты в разрезе субнациональных единиц [Cunningham, Weidmann, 2010]. В другой работе Н. Вейдманн исследовал влияние концентрации этнической группы в регионе на вероятность этнического конфликта [Weidmann, 2009].

границам и данных о расселении этнических групп) может быть рассчитан и индекс сегрегации. Следует заметить, что он отличается от индекса Алезини и Журавской тем, что показывает пространственную, а не демографическую сегрегацию этнических групп. Разумеется, данный инструментарий также имеет свои ограничения, так как специфика гео-привязанных данных состоит в генерализации распределения этнических групп в пространстве, вследствие чего этнические полигоны включают места их компактного проживания, а наличие на той же самой территории других этнических групп нивелируется.

Поскольку в данной работе единицами анализа являются этнические региональные автономии (в контексте соответствующих стран), необходимо проанализировать, в первую очередь, сегрегацию между титульной этнической группой автономии и доминирующей этнической группой (*Staatsvolk*) в данной стране. Данные по соответствующим группам были взяты из ERAD. Источником гео-привязанных данных по этническим группам стали базы GREG и GeoEPR, так как в ряде случаев эти базы дополняют друг друга. Правда, следует отметить, что некоторые этнические группы отсутствуют в этих базах, поэтому общее количество исследуемых случаев составило 98 ЭРА в 26 странах. Географически привязанные данные по государственным и административным границам содержатся в базе GADM.

Вычисление индекса сегрегации осуществлялось в программе ArcGIS. Из слоя пространственных объектов этнических групп были экспортированы и преобразованы в необходимую проекцию полигоны титульной для ЭРА и доминирующей для страны групп¹. Аналогично из слоя пространственных объектов административных границ GADM извлекались и проецировались полигоны соответствующих ЭТА. Далее с помощью инструмента «вырезание»

¹ В тех случаях, когда в ЭРА две титульные группы, их полигоны агрегировались. Отдельного уточнения требуют случаи полных этнофедераций, о специфике которых говорилось выше. В автономиях Бельгии соотносились между собой фламандцы и валлоны, в Боснии и Герцеговине – сербы и суммированные хорваты и боснийцы. В Пакистане для синдхов, белуджей и пуштунов индекс сегрегации вычислялся относительно пенджабцев, а для пенджабцев – относительно перечисленных трех групп, объединенных в один полигон. В Эфиопии тиграи и амхара также объединялись в один полигон, а их «собственные» ЭРА были исключены из анализа.

были получены полигоны титульной и доминирующей этнических групп в ЭТА. Этот же инструмент позволил «вырезать» полигоны, отражающие пересечение титульной и доминирующей этнических групп в ЭТА. Наконец для каждого полученного в ходе предыдущих операций полигона была вычислена площадь в км².

Для измерения сегрегации титульной и доминирующей этнических групп в автономном регионе используются два основных показателя:

S = площадь пересечения полигонов титульной и доминирующей этнических групп в ЭРА (км²);

C = площадь полигона титульной группы в ЭРА (км²).

Индекс сегрегации (s) вычисляется по формуле $(C-S) / C$: из площади полигона титульной группы в ЭРА (C) вычитается площадь пересечения титульной и доминирующей групп в ЭРА (S) так, чтобы получить площадь полигона сегрегированной области титульной для автономии этнической группы в ЭРА. Затем полученная разность делится на площадь полигона титульной группы в ЭРА (C). Таким образом, индекс сегрегации (s) показывает размер площади титульной группы в ЭТА, которая является сегрегированной относительно доминирующей группы: чем ближе значение s к 1, тем сильнее сегрегирована титульная группа в данной ЭРА. И, напротив, значение, равное или близкое к 0, свидетельствует о том, что население титульной и доминирующей этнических групп смешанно. Картографически это выражается в полном покрытии одного полигона другим.

В результате в 25 ЭРА из 98 случаев титульная группа оказалась несегрегированной относительно доминирующей (нулевые либо низкие значения индекса): автономные районы в Китае, автономные итальянские провинции, швейцарский кантон Юра, Уэльс, панамские комарки, ряд российских регионов, таких как Башкортостан, Адыгея, Чувашия, Марий Эл и др. (см. табл.).

Второй этап исследования – определение формата соотношения, или *конгруэнтности*, между политико-административными и этническими границами¹. Этот вопрос теряет смысл, если титуль-

¹ Термин «конгруэнтность» заимствован у К. Дейвика [Deiwiks, 2011], которая на основе тех же баз данных вычисляла конгруэнтность политико-административных и этнических границ в федерациях. Задача, однако, при этом ставилась другая, а именно, провести сравнение степени конгруэнтности между странами с федеративным устройством, поэтому отступления от совпадения эт-

ная и доминирующая этнические группы занимают одну и ту же территорию, поэтому анализ производился лишь для тех 73 случаев, где титульная этническая группа сегрегирована относительно доминирующей в стране группы. Поскольку политико-административные границы в условиях сегрегации титульной и доминирующей групп могут быть проведены по-разному, теоретически возможны четыре модели конгруэнтности между этническими и политико-административными границами (см. рисунок):

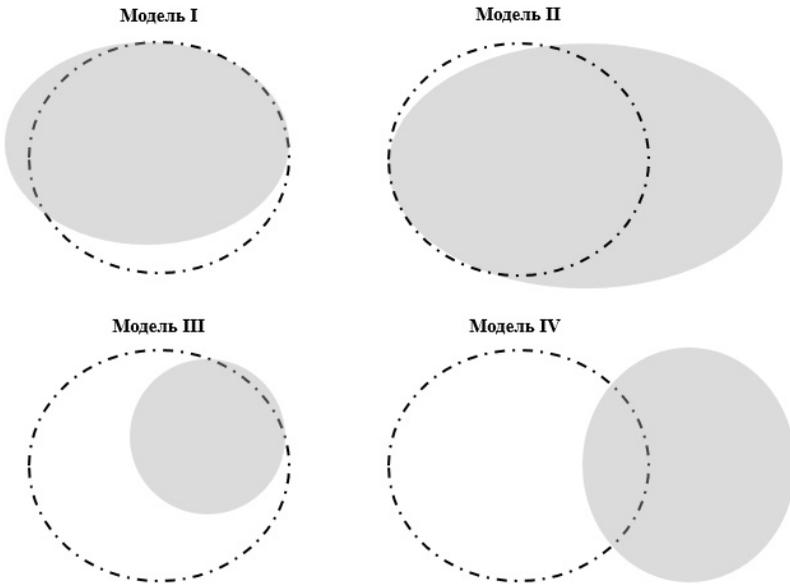

Рис.

Модели конгруэнтности между политико-административными и этническими границами ЭРА

Модель I: границы полигонов титульной этнической группы и ЭРА практически совпадают.

нических и политико-административных границ для всех этнических групп агрегировались. В нашем исследовании ключевая идея та же, что позволяет использовать термин «конгруэнтность», но поскольку задача определения конгруэнтности ставится применительно к ЭРА, а не странам, конгруэнтность измеряется иначе.

Модель II: границы полигона титульной этнической группы существенно выходят за рамки границ ЭРА.

Модель III: весь полигон титульной этнической группы входит в ЭРА, но занимает лишь часть ЭРА, а в другой части находится и полигон доминирующей группы.

Модель IV: границы полигона титульной этнической группы выходят за рамки границ ЭРА, и в то же время он занимает лишь часть ЭРА, а в другой части находится и полигон доминирующей группы.

Таким образом, ключевое значение для спецификации конгруэнтности между этническими и политико-административными границами имеет формат локализации титульной этнической группы. Для того чтобы его измерить, на основе тех же баз данных – GREG, GeoEPR и GADM – был рассчитан показатель концентрации титульной этнической группы в ЭРА, который является составным. К показателю С (площадь полигона титульной группы в ЭРА) были добавлены еще два показателя:

A = площадь полигона ЭРА (км²);

B = площадь полигона титульной группы в стране в целом (км²)¹.

Соответственно, территориальная концентрация титульных этнических групп вычисляется через два показателя:

a: долю площади полигона титульной этнической группы от площади полигона административно-территориальной единицы (АТЕ): C / A ;

b: долю площади полигона этнической группы в ЭРА от площади полигона этой группы в стране в целом: C / B .

Максимальное значение, которое принимают переменные a и b, равно 1. Соответственно, a=1 означает, что полигон титульной этнической группы покрывает весь полигон ЭРА; b=1, в свою очередь, означает, что полигон титульной этнической группы не выходит за пределы полигона ЭРА.

Результаты вычислений для 73 ЭРА представлены в таблице, где все они разбиты на 4 группы, соответствующие теоретическим моделям. К первой модели отнесены 20 случаев, где значения a и b близки к 1 (на операциональном уровне к этой модели отнесены те случаи, где значения обоих индексов концентрации равны или

¹ЭР

превышают 0,8). Иначе говоря, здесь имеет место максимальное совпадение границ ЭРА с локализацией титульной этнической группы. Вторая модель – 13 случаев, где индекс концентрации a равен или превышает 0,8, тогда как значение индекса концентрации b менее 0,8. В условиях сегрегации титульной группы от доминирующей это значит, что последняя практически не локализована на территории ЭРА, но локализация титульной группы выходит за рамки ЭРА. В третьей модели (24 случая), наоборот, показатель концентрации b равен или превышает 0,8, тогда как значение индекса концентрации a менее 0,8. Иными словами, титульная этническая группа практически полностью локализована в ЭРА, но лишь на части территории региона, а в другой части компактно проживают представители доминирующей в стране этнической группы. Наконец, четвертая модель (16 случаев) характеризуется значительным отклонением от 1 обоих показателей концентрации: значения a и b ниже 0,8. Здесь наблюдается минимальное по сравнению с другими моделями совпадение политико-административной границы ЭРА и локализации титульной этнической группы.

Таблица

Индексы сегрегации и концентрации в ЭРА

Страна	ЭРА	Доминирующая в стране этническая группа (Staatsvolk)	Титульная для ЭРА группа	(s)	(a)	(b)
1	2	3	4	5	6	7
Модель I						
Бельгия	Валлонский регион	Фламандцы, валлоны	Валлоны	0,99	0,91	0,99
Бельгия	Фламандский регион	Фламандцы, валлоны	Фламандцы	0,99	0,98	0,97
Босния и Герцеговина	Республика Сербская	Бошняки, сербы и хорваты	Сербы	1,00	0,96	0,85
Босния и Герцеговина	Федерация Боснии и Герцеговины	Бошняки, сербы и хорваты	Бошняки, сербы	1,00	0,84	0,96
Великобритания	Шотландия	Англичане	Шотландцы	1,00	0,82	0,99
Испания	Галисия	Испанцы	Галисийцы	1,00	0,99	0,84
Индия	Гуджарат	Хинди-говорящие	Гуджаратцы	1,00	0,96	0,97
Индия	Карнатака	Хинди-говорящие	Каннада	1,00	0,80	0,93
Индия	Махараштра	Хинди-говорящие	Маратхи	1,00	0,95	0,85
Индия	Мизорам	Хинди-говорящие	Мизо	1,00	0,83	0,95

Продолжение табл.

1	2	3	4	5	6	7
Индия	Орисса	Хинди-говорящие	Ория	1,00	0,90	0,84
Индия	Тамилнад	Хинди-говорящие	Тамилы	1,00	0,97	0,87
Молдавия	Гагаузия	Молдаване	Гагаузы	0,85	0,81	0,83
Пакистан	Синд	Пенджабцы	Синдхи	1,00	0,98	0,92
Пакистан	Пенджаб	Пенджабцы	Пенджабцы	1,00	0,93	0,87
Россия	Тува	Русские	Тувинцы	1,00	0,89	0,88
Франция	Корсика	Французы	Корсиканцы	1,00	0,98	1,00
Эфиопия	Харари	Тиграи, амхара	Харари	1,00	0,87	0,85
Эфиопия	Оромия	Тиграи, амхара	Оромо	1,00	0,83	0,81
Эфиопия	Сомали	Тиграи, амхара	Сомалийцы	1,00	0,85	0,94
Модель II						
Индия	Андхра-Прадеш	Хинди-говорящие	Телугу	1,00	0,93	0,50
Индия	Западная Бенгалия	Хинди-говорящие	Бенгальцы	1,00	0,96	0,58
Индия	Керала	Хинди-говорящие	Малаяли	1,00	0,97	0,77
Индия	Нагаленд	Хинди-говорящие	Нага	1,00	0,83	0,73
Индия	Пенджаб	Хинди-говорящие	Сикхи	1,00	0,97	0,60
Индонезия	Папуа	Яванцы	Папуасы	1,00	0,97	0,77
Ирак	Курдистан	Арабы	Курды	0,95	1,00	0,55
Испания	Каталония	Испанцы	Каталонцы	0,93	0,99	0,68
Мьянма	Чин	Бирманцы	Чин	1,00	0,85	0,66
Мьянма	Кая (Кауах)	Бирманцы	Кая	1,00	0,85	0,78
Нигерия	Байелса	Игбо, йоруба, хауса	Иджо	1,00	0,94	0,51
Финляндия	Аланды	Финны	Шведы	1,00	1,00	0,05
Эфиопия	Область народностей Южной Эфиопии	Тиграи, амхара	Южные народности	1,00	0,92	0,76
Модель III						
Великобритания	Северная Ирландия	Англичане	Ирландцы	1,00	0,63	1,00
Индия	Ассам	Хинди-говорящие	Ассамцы	1,00	0,64	0,83
Индия	Джамму и Кашмир	Хинди-говорящие	Кашмирские мусульмане	1,00	0,47	1,00
Индия	Манипулр	Хинди-говорящие	Манипури	1,00	0,34	1,00
Индия	Сикким	Хинди-говорящие	Непали-говорящие	1,00	0,17	1,00
Индонезия	Ачех	Яванцы	Ачехцы	1,00	0,54	1,00
Малайзия	Сабах	Малайцы	Кадазан	1,00	0,60	0,97
Малайзия	Саравак	Малайцы	Даяки	1,00	0,78	0,85
Никарагуа	Северо-атлантический АР	Метисы	Индийцы	1,00	0,25	0,83
Пакистан	Белуджистан	Пенджаб	Белуджи	1,00	0,77	0,87
Россия	Алтай	Русские	Алтайцы	1,00	0,73	0,95
Россия	Еврейская АО	Русские	Евреи	0,99	0,04	1,00
Россия	Кабардино-Балкария	Русские	Кабардинцы, балкарцы	1,00	0,66	0,84
Россия	Карачаево-Черкесия	Русские	Карачаевцы, черкесы	0,93	0,67	0,96

Продолжение табл.

1	2	3	4	5	6	7
Россия	Калмыкия	Русские	Калмыки	1,00	0,73	0,96
Россия	Карелия	Русские	Карелы	1,00	0,50	0,90
Россия	Коми	Русские	Коми	0,99	0,59	0,85
Россия	Северная Осетия	Русские	Осетины	1,00	0,79	0,82
Россия	Хакасия	Русские	Хакасы	0,94	0,44	0,98
Россия	Чечня	Русские	Чеченцы	0,97	0,64	0,88
Россия	Якутия	Русские	Якуты	1,00	0,73	0,96
Узбекистан	Каракалпакстан	Узбеки	Каракалпаки	0,98	0,73	1,00
Эфиопия	Афар	Тиграи, амхара	Афар	1,00	0,66	0,83
Эфиопия	Гамбела	Тиграи, амхара	Нилотские народности	1,00	0,71	0,97
Модель IV						
Индия	Трипура	Хинди-говорящие	Бенгалцы	1,00	0,68	0,05
Испания	Наварра	Испанцы	Баски	0,80	0,60	0,54
Испания	Страна Басков	Испанцы	Баски	1,00	0,59	0,37
Канада	Квебек	Англо-говорящие	Франко-говорящие	1,00	0,28	0,65
Мьянма	Карен (Kayin)	Бирманцы	Карены	1,00	0,66	0,35
Мьянма	Качин	Бирманцы	Качин	1,00	0,56	0,75
Мьянма	Мон	Бирманцы	Мон	1,00	0,45	0,37
Мьянма	Шан	Бирманцы	Шан	0,98	0,59	0,70
Нигерия	Бенуэ	Игбо, йоруба, хауса	Тив	0,96	0,72	0,58
Никарагуа	Южно-атлантический АР	Метисы	Индейцы	1,00	0,06	0,17
Пакистан	Хайбер-Пахтунхва	Пенджабцы	Пуштуны	1,00	0,55	0,31
Филиппины	Минданао	Тагалог	Мусульмане-моро	0,86	0,69	0,07
Россия	Бурятия	Русские	Буряты	0,97	0,32	0,73
Россия	Ингушетия	Русские	Ингуши	1,00	0,58	0,75
Россия	Чукотский АО	Русские	Чукчи	0,97	0,26	0,73
Эфиопия	Бенишангуль-Гумуз	Тиграи, амхара	Берта-гумуз	1,00	0,55	0,66
Несерегированные случаи						
Великобритания	Уэльс	Англичане	Валлийцы	0,53		
Китай	Внутренняя Монголия АР	Ханьцы	Монголы	0,00		
Китай	Гуанси-Чжуанский АР	Ханьцы	Чжуанцы	0,00		
Китай	Нингся-Хуэйский АР	Ханьцы	Хуэйцы	0,00		
Китай	Синьцзян-Уйгурский АР	Ханьцы	Уйгуры	0,00		
Китай	Тибетский АР	Ханьцы	Тибетцы	0,00		
Италия	Валле-де' Аоста	Итальянцы	Франкоговорящие вальдостанцы	0,00		
Италия	Сардиния	Итальянцы	Сардинцы	0,00		

Продолжение табл.

1	2	3	4	5	6	7
Италия	Фриули Венеция-Джулия	Итальянцы	Фриульцы	0,00		
Италия	Южный Тироль	Итальянцы	Южные тирольцы	0,00		
Мьянма	Ракхайн	Бирманцы	Араканцы	0,00		
Нигерия	Риверс	Игбо, йоруба, хауса	Огони	0,41		
Панама	Куна-Яла	Метисы	Индейцы	0,00		
Панама	Нгобе-Бугле	Метисы	Индейцы	0,00		
Панама	Эмбера-Вунаан	Метисы	Индейцы	0,00		
Россия	Адыгея	Русские	Адыгейцы	0,00		
Россия	Башкортостан	Русские	Башкиры	0,00		
Россия	Марий Эл	Русские	Марийцы	0,00		
Россия	Мордовия	Русские	Мордва	0,00		
Россия	Татарстан	Русские	Татары	0,00		
Россия	Удмуртия	Русские	Удмурты	0,00		
Россия	Чувашия	Русские	Чуваши	0,00		
Танзания	Занзибар	Африканцы материковой части страны	Занзибарцы (арабы, ширази)	0,38		
Украина	Крым	Украинцы	Русские	0,31		
Швейцария	Юра	Немецко-говорящие швейцарцы	Франко-говорящие юрасцы	0,71		

Перспективы исследований

Значение этнической структуры населения как объясняющего фактора этнополитических процессов вызывает серьезные дискуссии [Семенов, 2016]. В значительной мере это связано с тем, что «традиционные» инструменты измерения этнической гетерогенности (индексы фрагментации, поляризации) дают лишь общую картину по стране, не позволяя учесть ни разную степень политизации этнических групп, ни этническую композицию в субнациональном измерении, а именно последнее зачастую оказывается более важным. В этом контексте методологический инструментарий, основанный на работе с географически привязанными данными, оказывается весьма многообещающим. В частности, методика измерения соотношения политико-административных и этнических границ этнических региональных автономий, предложенная в данной работе, может быть использована для этнополитических исследований в нескольких направлениях.

Первое – традиционная для этнополитических исследований проблема стабильности и конфликтов. Как показала К. Дейвикс

[Deiwiks, 2011], степень конгруэнтности между политико-административными и этническими границами – существенный фактор, влияющий на стабильность федераций, причем влияние этого фактора не линейное, а параболическое: риски сепессионистских конфликтов оказываются максимальными в случае, когда конгруэнтность границ между субъектами федераций и расселением этнических групп принимает среднее значение. При максимальной либо минимальной конгруэнтности федерации оказываются значительно более стабильными. Теоретически этот тезис основывается на сложном сочетании мобилизационных возможностей (ресурсов), которые возрастают по мере увеличения конгруэнтности, с одной стороны, и мотиваций (стимулов для сепессионизма), которые, напротив, снижаются по мере возрастания конгруэнтности, с другой стороны. Как представляется, было бы весьма интересно проверить эту теорию на материале этнических региональных автономий. Иными словами, было бы полезно, с одной стороны, расширить эмпирический материал за рамки федеративных государств, включив в исследование случаи федератизма (*federacies*), а с другой – опуститься с национального (странового) уровня на субнациональный (региональный).

Беглый взгляд на распределение ЭРА между моделями конгруэнтности политико-административных и этнических границ дает основание предполагать, что на уровне ЭРА конгруэнтность влияет на стабильность иным образом. Так мы видим, что именно в первой группе (максимальное совпадение политико-административных и этнических границ) оказалось достаточно много случаев с сильными сепаратистскими устремлениями: бельгийские этнические регионы, Шотландия, Республика Сербская, наиболее сепаратистские регионы Эфиопии (Орома и Сомали), Корсика. В то же время подобные регионы присутствуют и в других моделях: Каталония и Курдистан – во второй, Джамму и Кашмир, Белуджистан – в третьей, несколько мьянманских регионов – в четвертой. Даже в группе несегрегированных регионов мы находим такие случаи, как, например, Синьцзян-Уйгурский автономный район и Тибет, где ситуация далека от стабильности.

Все это говорит о том, что на поддержание баланса в отношениях между центром и регионами наряду с соотношением политико-административных и этнических границ в ЭРА влияют и другие факторы. Их комбинация нуждается в теоретическом ос-

мыслении и эмпирическом исследовании. Кроме того, необходимо учитывать, что предложенная методология измерения соотношения политико-административных и этнических границ основана на сопоставлении двух типов этнических групп – титульной для ЭРА и доминирующей для страны в целом (*Staatsvolk*). Хотя для большинства ЭРА это оправдано, так как другие этнические группы не имеют существенного значения в ее этнической структуре, есть и иные случаи, и чтобы учесть их, требуется расширенный измерительный инструментарий.

Другое направление исследований можно, в целом, обозначить как проблему сегментации политического пространства национального государства. В политической науке сложилась идеально-типическая модель, объясняющая природу современных государств как государств-состояний, или *nation-states*, которые, в отличие от досовременных типов политий, вроде средневековых династических монархий или империй, описываются как универсалистские. Универсализм *nation-states* выражается в тенденции к гомогенизации политического пространства, что проявляется в таких институтах, как универсалистское гражданство, становление национализированных (относительно гомогенных в кросстерриториальном отношении) партийных систем, в национальной (гражданской) идентичности и деполитизации партикуляристских (в том числе этнических) различий.

Разумеется, в реальности всегда имеют место отступления от этой идеально-типической модели в сторону сегментации политического пространства. Природа сегментации может быть разной, однако в современном мире наиболее явно она связана с политизацией этнической идентичности, в связи с чем региональные этнические автономии, в силу сущностно свойственной им политизации титульных этнических групп, обладают наибольшим потенциалом для сегментации. Этнорегиональная сегментация политического пространства может проявляться, например, в регионализации (денационализации) партийной системы, в спецификации политико-нормативного регулирования (особые нормы права) и политико-культурной сферы (доминирование в регионе иных по сравнению с остальной частью страны языков, религий). В той или иной мере это характерно для всех ЭРА, но, как показывает эмпирический материал, они демонстрируют чрезвычайно высокую вариативность по всем направлениям.

Есть все основания предполагать, что одним из факторов, способных объяснить эту вариативность, является соотношение политико-административных и этнических границ в ЭРА. Косвенно об этом свидетельствуют работы А. Шекеля, который, проанализировав регионализацию партийных систем в европейских странах, пришел к выводу, что существенной объяснительной силой обладают такие факторы, как степень децентрализации и территориальные размежевания (*territorial cleavages*), связанные со специфической территориальной идентичностью, которая зачастую имеет этнические основания [Schakel, 2011]. Отталкиваясь от этого положения, можно предположить, что актуализации этнорегиональной идентичности способствует пространственная близость представителей одной этнической группы с одновременной удаленностью от членов другой. Иначе говоря, пространственная сегрегация этнических групп должна способствовать возникновению в рамках национального государства особого политического «поля» со специфическими политическими институтами и практиками, например такими, как этнорегиональные партии, особенно в случаях высокой конгруэнтности между политико-административными и этническими границами.

Эмпирические данные по распределению ЭРА между разными моделями конгруэнтности дают дополнительный аргумент в пользу этой гипотезы. Для многих ЭРА из первой (Шотландия, индийские штаты Орисса, Махараштра, Тамилнад) и второй (Каталония, Курдистан и др.) групп характерна весьма высокая степень регионализации партийных систем, а в бельгийских Фландрии и Валлонии партийные системы полностью регионализированы. Эти модели конгруэнтности, особенно первая, где границы локализации титульной группы совпадают с внешними границами ЭРА, гипотетически создают тенденцию к выделению ЭРА как «цельного» политического сегмента. Еще интереснее ЭРА, относящиеся к третьей и четвертой моделям, где титульная группа локализована на одной части территории ЭРА, а доминирующая или / и иная этническая группа – на другой ее части. Можно предполагать, что такая ситуация может привести к сегментации политического пространства внутри этнической автономии.

Анализируя регионализацию партийной системы, разумеется, необходимо учитывать иные факторы, прежде всего общестрановые характеристики партийных систем, и если мы сравним пар-

тийные системы разных ЭРА в одной стране, то обнаружим, например, что из четырех ЭРА Пакистана наибольшая степень регионализации характерна как раз для тех, которые относятся к первой модели (Пенджаб и Синд), тогда как в Белуджистане (третья модель) она значительно ниже. Вместе с тем в соответствии с нашими предположениями, региональная партийная система Белуджистана оказывается более сегментированной в силу того, что в данной ЭРА наряду с титульной пространственно локализована «третья» этническая группа (пуштуны). Правда, случай провинции Хайбер-Пахтунхва (четвертая модель) несколько нарушает данную закономерность (здесь регионализация партийной системы оказывается достаточно высокой), но это еще раз указывает на то, что соотношение политико-административных и этнических границ должно исследоваться в совокупности с другими факторами.

Еще одно явное проявление сегментации политического пространства, задающее исследовательскую проблематику – преференциальные политики, по которым ЭРА также весьма разнообразны. Речь идет как об отдельных этнически окрашенных преференциях ЭРА (политических, экономических, культурных), так и об их совокупности. Так, сравнительный анализ языковых преференциальных политик выявил существенное разнообразие языковых режимов, которые складываются в ЭРА [Borisova, Sulimov, 2017]. Преференциальные политики в области полномочий ЭРА, по сравнению с другими АТЕ аналогичного уровня могут быть проанализированы на базе данных Regional Authority Index [Measuring regional authority... 2016].

Список литературы

- Ачкасов В.А.* Этнополитический конфликт как следствие этнизации социальных проблем // ПОЛИТЭКС. – СПб., 2013. – № 2. – С. 41–61.
- Барт Ф.* Этнические группы и социальные границы: Социальная организация культурных различий. – М.: Новое издательство, 2006. – 200 с.
- Дробижева Л.М.* Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет. – М.: Новый хронограф, 2013. – 336 с.
- Лейпхарт А.* Демократия в многосоставных обществах: Сравнительное исследование. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 287 с.

- Панов П.В. Мир этнических региональных автономий: Представление новой базы данных // Вестник Пермского университета. Серия Политология. – Пермь, 2016. – № 4. – С. 66–93.
- Семенов А.В. Политические эффекты этнических территориальных автономий: Обзор исследований // Вестник Пермского университета. Серия Политология. – Пермь, 2016. – № 1. – С. 127–152.
- Тишков В.А., Шабаетов Ю.П. Этнополитология: Политические функции этничности. – М.: Издательство Московского ун-та, 2011. – 376 с.
- Alesina A., Zhuravskaya E. Segregation and the quality of government in a cross section of countries // American economic review. – Nashville, 2011. – Vol. 101, N 5. – P. 1872–1911.
- Anderson L. Ethnofederalism and the management of ethnic conflict: Assessing the alternatives // Publius: The journal of federalism. – Easton, PA, 2016. – Vol. 46, N 1. – P. 1–24.
- Anderson L. Federal solutions to ethnic problems: Accommodating diversity. – N.Y., 2013. – 320 p.
- Bach D. Managing a plural society: The boomerang effects of Nigerian Federalism // Journal of commonwealth and comparative politics. – L., 1989. – Vol. 27, N 2. – P. 218–245.
- Bednar J. The robust federation. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2008. – 242 p.
- Benedikter T. Solving ethnic conflict through self-government: A short guide to autonomy in South Asia and Europe. – Bolzano: Europe academia (EURAC), 2009. – 140 p.
- Borisova N., Sulimov K. Language territorial regimes in multilingual ethnic territorial autonomies // Nationalities papers. – L., 2017. – (Forthcoming).
- Brancati D. Peace by design: managing intrastate conflict through decentralization. – Oxford: Oxford univ. press, 2008. – 320 p.
- Cunningham K., Weidmann N. Shared space: Ethnic groups, state: Accommodation, and localized conflict // International studies quarterly. – Malden, MA, 2010. – Vol. 54, N 4. – P. 1035–1054.
- Deiwiks C. Ethnofederalism: A slippery slope towards secessionist conflict? – Zurich: ETH Zurich, 2011. – 118 p.
- Diamond L. Nigeria: Pluralism, statism, and the struggle for democracy // Democracy in developing countries / L. Diamond, J. Linz, S.M. Lipset (eds). – Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers, 1988. – Vol. 2: Africa. – P. 3–92.
- Ejibowah J. Territorial pluralism: Assessing the ethnofederal variant in Nigeria // Regional and federal studies. – Rutledge, 2010. – Vol. 20, N 2. – P. 251–274.
- Elazar D. Federal systems of the world: A handbook of federal, confederal and autonomy arrangements. – Harlow, Essex, U.K.: Longman current affairs Harlow, 1994. – 402 p.
- Fractionalization / Alesina A., Devleeschauwer A., Easterly W., Kurlat S., Wacziarg R. // Journal of economic growth. – Dordrecht, 2003. – Vol. 8, N 2. – P. 155–94.
- GADM database of global administrative areas. – Mode of access: <http://www.gadm.org/> (Дата посещения: 08.08.2017.)

- Gagnon A., Keating M.* Political autonomy and divided societies: Imagining democratic alternatives in complex settings. – Houndmills; Basingstoke; Hampshire; N.Y.: Palgrave Macmillan, 2012. – 273 p.
- Ganguly R., MacDuff I.* Ethnic conflict and secessionism in South and Southeast Asia: Causes, dynamics, solutions. – Thousand Oaks, Calif.: Sage Publications, 2003. – 292 p.
- Ghai Y.* Autonomy and ethnicity: Negotiating competing claims in multi-ethnic states. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2000. – 312 p.
- Ghai Y., Woodman S.* Practising self-government: A comparative study of autonomous regions. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2013. – 501 p.
- Hale H.* Divided we stand: Institutional sources of ethnofederal state survival and collapse // *World politics*. – Baltimore, MD, 2004. – Vol. 56, N 1. – P. 165–193.
- Henders S.* Territoriality, asymmetry, and autonomy: Catalonia, Corsica, Hong Kong, and Tibet. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2010. – 277 p.
- Horowitz D.* Ethnic groups in conflict. – Berkeley: Univ. of Calif. press, 1985. – 697 p.
- Integrating data on ethnicity, geography, and conflict: The ethnic power relations dataset family / Vogt M., Bormann N., Rügger S., Cederman P., Hunziker L.-E., Girardin L. // *Journal of conflict resolution*. – Thousand Oaks, CA, 2015. – Vol. 59, N 7. – P. 1327–1342.
- Lapidoth R.* Autonomy: Flexible solutions to ethnic conflicts. – Washington, DC: US institute of peace press, 1997. – 298 p.
- McGarry J.* Asymmetry in federations, federacies and unitary states // *Ethnopolitics*. – L., 2007. – Vol. 6, N 1. – P. 105–116.
- Measuring regional authority: A postfunctionalist theory of governance / Hooghe L., Marks G., Schakel A., Chapman-Osterkat S., Niedzwiecki S., Shair-Rosenfield S. – Oxford: Oxford univ. press, 2016. – Vol. 1. – 687 p.
- Montalvo J., Reynal-Querol M.* Ethnic polarization, potential conflict, and civil wars // *American economic review*. – Nashville, TN, 2005. – Vol. 95, N 3. – P. 796–816.
- O'Leary B.* An iron law of nationalism and federation? A (neo-Diceyan) theory of the necessity of a federal Staatsvolk, and of consociational rescue // *Nations and nationalism*. – Wiley-Blackwell, 2001. – Vol. 7, N 3. – P. 273–296.
- Politically relevant ethnic groups across space and time: Introducing the GeoEPR dataset / Wucherpfennig J., Weidmann N., Girardin L., Cederman L.-E., Wimmer A. // *Conflict management and peace science*. – Binghamton, 2011. – Vol. 28, N 5. – P. 423–437.
- Roeder P.* Secessionism, institutions, and change // *Ethnopolitics*. – L., 2014. – Vol. 13, N 1. – P. 86–104.
- Schakel A.* Congruence between regional and national elections // *Comparative political studies*. – Thousand Oaks, CA, 2011. – Vol. 46, N 5. – P. 631–662.
- Suberu R.* Nigeria // *Diversity and unity in federal countries* / L. Moreno, C. Colino (eds). – L.; Ithaca: VcGrill – Queen's univ. press, 2010. – P. 228–258.
- Watts R.* Comparing federal systems in the 1990 s. – Kingston, Ont.: Institute of inter-governmental relations: Queen's Univ., 1996. – 126 p.

-
- Weidmann N.* Geography as motivation and opportunity: Group concentration and ethnic conflict // *Journal of conflict resolution*. – Thousand Oaks, CA: Sage publications, 2009. – Vol. 53, N 4. – P. 526–543.
- Weidmann N., Rød J., Cederman L.-E.* Representing ethnic groups in space: A new dataset // *Journal of peace research*. – L., 2010. – Vol. 47, N 4. – P. 491–499.
- Weller M., Nobbs K.* Asymmetric autonomy and the settlement of ethnic conflicts. – Philadelphia: Univ. of Pennsylvania press, 2010. – 318 p.
- Wimmer A.* Ethnic boundary making: Institutions, power, networks. – N.Y.: Oxford univ. press, 2013. – 293 p.
- Wolff S.* Approaches to conflict resolution in divided societies // *Ethnopolitics Papers / Exeter center for ethno-political studies*. – Exeter: Univ. of Exeter, 2010. – N 5. – 38 p.